

Оба его воплощения не успели отойти далеко, как наткнулись на Хиромицу Морофуси.

* «Это что, обязательный сбор припасов перед финальным боссом?»* — промелькнула дурацкая мысль, но А-Эр тут же мысленно одёрнул себя. Нашёл время зубоскалить. Соберись, сейчас не до шуток!

Борьба двух половин его собственного разума привела к тому, что со стороны всё выглядело довольно нелепо: на лице Кадзумы Арааки проступила странная, забавная гримаса, Сидзука Годзё со слабой улыбкой наградил его предостерегающим взглядом, и Кадзума тут же сокрушённо сник.

Хиромицу лишь безмолвно наблюдал за этой немой сценой.

Сейчас он выглядел совсем иначе, чем прежде. Исчезла вечная настороженность — следствие долгих лет работы внедренным агентом. Под глазами больше не залегли глубокие тени от бессонницы. Весь его облик лучился какой-то иной, чистой силой. Он казался собранным, уверенным в себе, а в глубине глаз горело то упрямое пламя, что бывает лишь у истинных идеалистов.

При виде Кадзумы лицо Морофуси озарилось искренней радостью, но стоило ему заметить стоящего рядом Сидзуку Годзё, как эта радость заметно угасла. А-Эр почувствовал неловкость. Его до сих пор смущало то, с каким упорным постоянством он испытывал перед Хиромицу смутное чувство вины.

Заметив, что мужчина хочет поговорить с ним наедине, А-Эр решил не усложнять ситуацию. Он мысленно приказал телу Сидзуки развернуться и уйти на поиски Рэнъи Карасумы, а сам остался.

Хиромицу не стал расспрашивать, кто такой Годзё, лишь неловко улыбнулся:

— Я... помешал вам?

— Вовсе нет, — отмахнулся Кадзума.

Для А-Эра действительно не существовало разницы, идти ли к цели в двух облициях сразу или разделиться. Разве что одновременное удержание двух столь непохожих картинок перед глазами требовало чуть больше ментальных сил.

Хиромицу немного помедлил, словно взвешивая слова, и тихо спросил:

— Значит... ты идёшь к Джину?

— Да, — спокойно ответил Кадзума. — Рано или поздно нам всё равно пришлось бы поставить точку.

— Вот как...

Морофуси шагнул ближе и порывисто схватил Кадзуму за руку, переплетая их пальцы. Он сжал ладонь с такой силой, что А-Эру стало даже немного больно. Впрочем, терпеть боль он умел отлично, поэтому вырываться не стал, лишь недоумённо уставился на мужчину.

— Прости, — прошептал Хиромицу. — Я просто... глупо, наверное, но у меня такое чувство, будто мы видимся в последний раз.

На его лице отразилось такое горькое, щемящее одиночество, что у А-Эра защемило в груди. Он терпеть не мог, когда этот мягкий, добрый человек страдал. На душе сразу становилось скверно, словно кошки скребли.

Выражаясь игровым сленгом, это был какой-то особый дебафф, который накладывали на него подобные «святые» люди.

Кадзума поймал его ладонь и прижал к своей груди, заставляя почувствовать ровный, сильный стук сердца.

— Всё хорошо, не бойся, — мягко произнёс он. — Посмотри на меня. Я здесь, я жив и здоров. И пока мы оба дышим, мы обязательно встретимся снова. А что касается Джина... — Кадзума на мгновение запнулся. В памяти всплыл первый раунд игры, когда у него была стопроцентная возможность покончить со старым врагом. Но в решающую секунду он заколебался, и этой мимолётной слабости Джину хватило, чтобы нанести смертельный удар. — ...в этот раз я сомневаться не стану. Обещаю, я выживу. Так что выбрось эти мрачные мысли из головы.

Кадзума решил, что у Морофуси обострился посттравматический синдром, и изо всех сил старался его успокоить. Тот не стал ничего объяснять. Он лишь тихо выдохнул, перехватил державшую его руку и, склонив голову, прижал чужие пальцы к своему лбу.

— Да... — прошептал он дрожащим голосом. — Пожалуйста, вернись. Я умоляю тебя...

Хиромицу слишком хорошо помнил, каково это — сходить с ума от неизвестности в ожидании дорогого человека, а в итоге получить известие о его гибели. Больше он этого не вынесет.

Конечно, это немного портило момент, но А-Эр не удержался от мысленного стоны. Вешать на себя такие жирные «флаги смерти» прямо перед решающим боем — это вообще законно? Фраза «я обязательно вернусь» в гик-культуре стояла в одном ряду со знаменитым «вот закончу воевать и женюсь». Настоящий громоотвод для всех возможных несчастий.

В первом раунде, спасая разоблачённого Хиромицу от преследования, он точно так же вызвался задержать Джина. И уходя, точно так же бросил плачущему от страха Морофуси: «Я не умру». И что в итоге? Позорный провал и мгновенная смерть. Нынешняя сцена вызвала пугающее дежавю. Это что, изощрённая издёвка вселенной?

И всё же, отбросив иронию, Кадзума посмотрел прямо в глаза мужчине и твёрдо произнёс:

— Клянусь тебе, я вернусь.

Он не мог отмахнуться от чувств Хиромицу. К чёрту дурные приметы и кинематографичные штампы — Морофуси должен был услышать эти слова. Ему необходимо было знать, что встреча обязательно состоится.

Кадзума мягко улыбнулся и, потянувшись к его лицу, легонько взъерошил мягкие волосы на затылке, стараясь перевести всё в шутку:

— Хиро, ты в своём репертуаре. Стоит тебе дать волю, как ты тут же начинаешь капризничать. Такой трогательный... Как тебя одного оставишь?

Хиромицу тихо, искренне рассмеялся. Тревога в его глазах уступила место тёплому, глубокому чувству. Он смотрел только на Кадзуму.

— Тогда и не оставляй, — выдохнул он. — Ты ведь сам говорил, что рядом с тобой я имею право быть слабым.

В эту секунду А-Эр перестал понимать, чьё именно сердце так бешено колотится в груди — его собственное или Хиромицу. После того как оба его игровых персонажа слились воедино, он, конечно, остался прежним тугодумом в делах сердечных, но его эмоциональный интеллект всё же заметно подрос. Вот и сейчас в голову закралось смутное подозрение: неужели этот хитрый лис раскусил его слабости и теперь намеренно давит на жалость, зная, что перед его уязвимостью Кадзума абсолютно беззащитен?

Сразу видно внедренного агента — у него в голове целая шахматная партия, хитрец! Впрочем, приём сработал безупречно. Кадзума был готов потакать ему во всём. Да и какая разница, если за этой наигранной слабостью скрывались самые искренние чувства? Заставить Хиромицу страдать было выше его сил.

Система подала голос в голове:

****[Ха-ха. По-моему, кому-то здесь нужно срочно проверить голову]****

А-Эр привычным движением мысленно щелкнул назойливую панель, отправляя её в полёт.

Кадзума по-прежнему держался так, словно изо всех сил пытался изобразить глубокие чувства, порой явно переигрывая, но Хиромицу не покидало ощущение, что сквозь эту привычную эмоциональную скованность и натянутость наконец-то пробивается настоящая, живая искренность.

«Это из-за того черноволосого мужчины, который только что ушёл?» — невольно подумал Хиромицу.

Сидзука Годзё. Человек, чьё имя гремело в мире шаманов. Его почитали как святого, и даже когда он погиб и вернулся в облике проклятия, заклинатели продолжали преклоняться перед ним. Даже величайшие маги современности, сильнейшие шаманы особого ранга Сабору Годзё и Сугуру Гэто, оберегали его покой с фанатичной преданностью.

Не так давно в мире проклятий разразилась страшная катастрофа, и, по слухам, именно Сидзука сумел усмирить бурю и спасти человечество от гибели. Хиромицу краем уха слышал об этой истории, но почему-то в базах данных спецслужб на этого человека не было почти ничего. Возможно, дело было в том, что сам Морофуси раньше мало интересовался изнанкой реальности — ему с лихвой хватало забот с Чёрной организацией.

Поговаривали также, что кто-то пытался признаться Годзё в любви, но тот мягко отверг ухаживания, обмолвившись, что его сердце давно принадлежит другому — человеку с белоснежными волосами и тёмно-красными, как спелая малина, глазами. Слишком приметная внешность. Услышав об этом в первый раз, Хиромицу сразу заподозрил неладное.

И только что увиденное — та запредельная, почти телепатическая слаженность движений и полувзглядов между Кадзумой и Сидзукой — лишь подтвердило его догадку. Кадзума постоянно носил маски, примерял чужие роли, а когда загонял себя в тупик, начинал фальшивить ещё сильнее. Но сейчас он не кривлялся. Рядом с Сидзукой он полностью расслабился, словно знал: этот человек видит его насквозь, а значит, притворяться больше нет нужды.

Если честно, внутри шевельнулась глухая ревность. Хиромицу не был безгрешным праведником или каменным изваянием — ничто человеческое ему не чуждо. И сейчас, на пороге великой битвы, его сердце разрывалось от дурных предчувствий. Едва прослышав, где искать Кадзуму, он бросил все дела и помчался сюда. Им двигал лишь один панический страх — не успеть, опоздать, потерять его навсегда, так и не успев заглянуть в эти глаза в последний раз.

Призраки далёкого детства вновь сомкнули свои ледяные пальцы на его горле. На краткий, безумный миг Хиромицу захотелось бросить всё. Наплевать на долг, на закон, схватить Кадзуму за руку — точно так же, как при их первой встрече в лучах заходящего солнца, — и бежать. Бежать без оглядки, оставив весь мир далеко позади, растворившись в вечерних сумерках, где существовали бы только они двое.

"Пока ты рядом, мне ничего не страшно"

Но это искушение вспыхнуло и тут же угасло, безжалостно подавленное разумом.

Он больше не ребёнок. И давно перестал быть тем слабым, вечно плачущим мальчиком. Теперь он силен, он сам карает преступников и ведёт за собой людей, ведомый собственной непреклонной верой в справедливость. Он не сможет бросить свою жизнь ради побега, точно так же, как и Кадзума никогда не предаст свой путь ради него.

У каждого из них свой долг. Хиромицу должен исполнить присягу, а Кадзуме предстоит свести счёты с Джином. Со временем к нему пришло ясное понимание: тогда, в детстве, вовсе не он попал в беду, откуда его вытащил Кадзума. Всё было иначе. Это маленький Хиро увидел, как чужаки утаскивают бледного мальчика, и, забыв обо всём на свете, бросился ему на выручку.

Человек должен спасти себя сам, и лишь тогда судьба протянет ему руку.

Он больше не побежит. Но это вовсе не означало, что он отказывается от А-Эра. Всё будет так, как сказал Кадзума: они увидятся снова. И тогда, в тишине и покое, они наконец-то смогут без спешки вспомнить тот самый первый день их знакомства.

Тем временем на другом конце города Сидзука Годзё безуспешно пытался напасть на след Рэнъя Карасумы.

Но как отыскать одного-единственного человека в многомиллионном мегаполисе? Тем более если этот человек — призрак, который больше века скрывался в глубочайших тенях, меняя имена и маски. Даже при знании его истинного лица, найти его казалось невыполнимой задачей — всё равно что искать иголку в стоге сена.

И всё же А-Эра не покидало стойкое предчувствие: сейчас, когда вся его империя рушилась, а жизнь близилась к неминуемому финалу, Карасума обязательно отправится на могилу Сиро Куросавы. словно дряхлый старик, решивший перед смертью навестить старого друга, чтобы молча посидеть рядом и напоследок поговорить о былом.

Оставалось лишь понять, где именно похоронен Сиро.

В памяти всплыл рассказ Рея Фуруи об уединённом острове, где тот провёл детство вместе с Джином. Если сопоставить все детали, выходило, что этот клочок суши посреди океана — то самое место, где когда-то выросли Рэнъя Карасума и Сиро Куросава. Остров, где Сидзука Годзё впервые встретил их обоих. Позже Карасума, должно быть, выкупил этот клочок земли в личную собственность, а затем передал его во владение Джину.

Добраться туда было делом непростым. Сидзука не владел левитацией, как Сабору или Сугуру,

так что главным препятствием становился транспорт. Просить магов о помощи? Глупо. Сейчас они наверняка с ног сбивались, пытаясь совладать с колоссальными последствиями инцидента вокруг владыки Тэнгэна. К тому же это было личное дело между ним и Карасумой, и вмешивать в него посторонних А-Эр не желал.

К счастью, на счетах Сидзуки Годзё скопилась весьма внушительная сумма. Хотя он имел привычку каждые несколько месяцев переводить все сбережения в благотворительные фонды, за последнее время там успели осесть приличные деньги, которые он просто не успел раздать. Золотой ключ открывает любые двери, а имея на руках точные координаты, предоставленные некогда Амуру, организовать частный рейс оказалось делом нескольких часов.

И вот он стоял на месте.

Остров судеб

На затерянном в бескрайней воде острове — месте, где когда-то завязался этот тугой, кровавый узел их общих судеб.

— Учитель, — раздался тихий, дребезжащий голос.

Нарушив могильную тишину, пожилой человек медленно повернул голову на звук шагов. Он сидел на корточках перед скромным надгробием своего единственного друга.

— Наконец-то ты пришёл.

<http://bllate.org/book/18335/1760520>